

Куликов Д.К.

Проблема мышления в философии Аристотеля

(Аристотелевские чтения. Античное наследие и современные гуманитарные науки.

Ростов-н/Д: «Типография Сармат», 2011. С. 90-94)

[90]

Есть три главных аспекта рассмотрения проблемы мышления у Аристотеля: формально-логический, гносеологический и социально-исторический. В докладе предлагается анализ данного вопроса, во-первых, посредством оценки существующих точек зрения на мышление у Аристотеля, во-вторых, через анализ тезаурусов терминов, связанных с мышлением и, в-третьих, через критику учения Аристотеля с высоты современных общетеоретических представлений о мышлении.

Существует неоднозначность в понимании мышления философией и психологией. Отметим, что у Аристотеля нет учения о понятии, и им не рефлексировалось слияние логических и грамматических аспектов мысли. Между тем немало говорится о логике и исследовании Аристотелем мышления. Мы привыкли доверять авторитетам и переводам. Аристотель признается многими как проводник в решении философских вопросов. Однако можно ли считать наличие семантических форм языка свидетельством существования в сознании соответствующего понятийного содержания? У Анаксагора *νοος* понимается как Ум или Разум, однако за Парменидом и его *αὐτό νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι* и *ταυτόν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐνεκεν ἐστὶ νόημα* утвердился термин «мысль», «мышление». Должны ли мы считать, однако, что в высказываниях этих мудрецов семантика естественного языка уже

[91]

наполнилась содержанием, коррелятивным нашему понятийному представлению? Обыденное значение слова *νοος* указывает скорее на «интеллект» в широком смысле, на «сообразительность», «осведомленность», чем на философское «мышление». Что же мы должны обнаруживать у Аристотеля в качестве синтеза всей совокупности дериватов и оттенков значения *νοος*? Очевидно, по крайней мере, следующее: Аристотель говорит о «мышлении» как деятельности высшего Ума, который реализует в себе интуитивное постижение всех первоначал, который непреложно истинен и отличает его от какого-то другого «мышления» – человеческого, реализующегося в форме силлогистических умозаключений. Что это за мышление, действующее силлогизмами и при этом столь качественно отличное от Ума?

Терминологический анализ требуется для того, чтобы вскрыть содержательное различие двойственного понимания мышления, закрепившегося в платоновской и перипатетической традициях – нозетическое и дианоэтическое. Действительно, и у Платона, и у Аристотеля мы обнаруживаем довольно разнообразную терминологию для словесного выражения «мышления». Платоновский термин λογίζεσθαι переводится как «размышление о чем-либо» в форме расчета или вычисления (*Платон. Федон. 65с*). Следует обратить внимание на то, что этимология корневого слова λογος имеет не только значения «слово» и «высказывание», но также «команда», «право и власть говорить». Другой термин – διάνοια, который чаще всего переводится как «мышление». Однако он также означает «намерение», «замысел», «стремление». В совокупности значений семантика этих терминов указывает на некоторое волевое качество души и *форму словесного выражения волевого содержания, настроенности сознания*. Сам Платон отождествляет дианойю и беззвучную беседу души с собой (*Платон. Софист. 263ε3—5, ср. также Определения. 414dl*). Такое мышление – это внутренняя речь. Дианойя дискурсивна, дискретна и силлогистична, может производить ложное или истинное мнение. Связь «διά-» «νοέω» указывает на движение в форме того, что может быть воспринято в пространстве и во времени, на разделение-размышление, структуриацию зримого. Аристотель подчеркивает, что материал размышления («дианойи») – представления (φαντάσματα) (О душе, 431a15), а состояния мысли (διάνοιαν) – это мнение и рассуждение (δόξα καὶ λογισμός) (Вт. аналитика, 100b5). Дианойя – это оязыковленное мышление. Дианойя – умение говорить существенное и уместное в речах (Поэтика, 1450b4-5). Дианойя – это то, чем доказывается, будто нечто есть или нет, вообще что-то высказывается (Поэтика, 1450b11-12). Дианойя имеет дело с поступками. Она отличается от *мысли созерцательной* (θεωρητικῆς διανοίας), не предполагающей поступков и созидания (Никомахова этика, 1139a 26-28). Дианойя сама по себе ничего не приводит в движение,

[92]

нужна мысль-целеполагание, осмысленное стремление, или ум (Никомахова этика, 1139a35-1139b5).

Ум (νοῦς) – это что-то отличное от дианойи. У Платона νόησις – это интуитивная способность души к прямому постижению идей, это причастность к высшему Уму как их носителю. У Аристотеля мышление (νοέω) – это часть души, которой она познает и понимает, при этом мышление не смешивается с постигаемым (О душе, 249a10-20). Ум имеет своим предметом начала и сам есть начало знания (Вт. аналитика, 100b10-15). Как

начало знания и знание начал *ум интуитивен*. Мышление реализуется у Аристотеля в двойкой направленности. Как практическое, предметное приложение оно есть дианоия – рассудок. Как высшая разумная способность, оно есть обращенность к Уму-перводвигателю, созерцающему «первоначала» или первопричины сущего в самом себе. Такое мышление не может быть рассудочным и дискурсивными. Оно невыразимо в речи и полностью интуитивно. Предмет такой направленности – *умозрительное знание* (θεωρητικόν).

А.В. Потемкин показал, что умозрительное, или «теоретическое», знание предстает у Аристотеля как высшая форма в иерархии прочих возможных знаний. Наивно было бы при этом трактовать термин Θεωρητικάί (Метаф. 981b, 982a) как теоретическое познание в современном смысле. В античном понимании «*теоретическое*» есть *созерцательное* и в своей этимологии возводится к сохранению памяти о предании предков, утвержденных и положенных первобытных законах, закрепленных в слове. Таков генезис слов «θεός» и «θεωρητικόν», их индоарийского корня. Такая память есть признак разумной души, она связана с владением острым слухом, чувством ритма и силой словесного поэтического внушения. Согласно гипотезе Э. Хэвлока, эти способности – культурно унаследованное достояние знати, воспитывавшееся в устной традиции голоса и слуха в период между разрушением Микен и гомеровской классической Грецией. Именно это чувство ритма и память, как полагает Хэвлок, порождают визуальную геометрию образного искусства и математического мышления¹. В. Йегер, анализируя «Протрептик» Аристотеля, считает, что θεωρία у него есть интуиция – такое состояние, при котором душа имеет предметом активности свои собственные функции².

Философия Аристотеля – это одновременно и абстрактная рефлексия мифологии, и стремление к ее преодолению. Нельзя применять к Аристотелю упрощенную дихотомию примитивного мифологического и научно-логического мышления. Здесь перед нами пример формирования теоретического компонента в рамках первобытного мышления. Аристотель стремится объяснить мир в его существенных свойствах и причинных отношениях. Однако мыслит эти познавательные структуры Аристотель вполне

[93]

мифологически. Он смешивает общее и причину, причинная связь понимается им как включение вида в род. Познание общего обеспечивается индукцией, однако само его

¹ Havelock E.A. Preface to Plato. Cambridge. Massachusetts: Harvard University Press, 1963. P. 126-128.

² Jaeger W. Aristotle. Fundamentals of the History of His Development. Oxford, 1948. P. 67.

постижение является интуитивным актом души. Этот акт есть непосредственное усмотрение общего как начала и первопринципа.

Представления Аристотеля о «началах» вполне мифологические. Более того, по замечанию А.В. Потемкина, он абсолютно не рефлексивен сам принцип мышления «из начал»³. Конструируя образ мира, любая мифология сообщает нам о постоянно возобновляющемся действии первоначала в текущем настоящем. Объяснение явления через нахождение его причины есть правильное установление сопричастной связи с истоком. Для первобытного мышления определить событие означает правильно назвать его, указать его принадлежность. У Аристотеля эта функция превращается в предсказание, т.е. приписывание правильных определений. Для мифосознания мир организован как отражение кровно-родственной упорядоченности жизни человека. Логическая структура категорий, последовательно обнаруженных досократиками, наглядно показывает превращение мифологической конструкции в философскую. У Аристотеля мы видим завершённое категориальное разделение объективных отношений в мире явлений. Подобное развитие представляет собой попытку теоретически объяснить усложнения общества в результате возникновения рабовладельческой формации, выстраивания новых, неродственных отношений в цепи сопричастности началу человека, его живых орудий и обрабатываемой природы.

Представление Аристотеля о познании включает в себе признаки комплексного допонятийного уровня мышления, описанного Л.С. Выготским и др. В частности, это проявляется в представлении об индукции как более натуральной формы умозаключения «от воспринимаемого». С другой стороны, преодоление этой ограниченности заключено в признании дедуктивного способа умозаключения «из начал» как первичного в плане объективности и доказательности. У Аристотеля учение о понятии не может возникнуть в принципе, и «определение» им понятий есть скорее выявление значения слова, нежели развертывание логики определения. Однако у Аристотеля при этом не только полностью осознано различие слова и вещи, но и связь между ними рассматривается уже не номинативно, а пропозиционально.

Силлогизм Аристотель мыслит не только как правильную форму умозаключения, но как онтологически истинное следование. Доверие к такой форме мысли возможно при молчаливом допущении *онтологической общности* между началами ума и началами того, о чем умозаключается. У Аристотеля такое звено заключено в природе начал. Можно сказать,

³ Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диалектической традиции. РнД., 1980. С. 104.

[94]

что *Аристотель мыслит силлогизм как внутреннюю форму Нуса в его развернутости* в собственном содержании, в материи, в предметности. Силлогистическая ноэтическая форма – это движение души в мир как бы со стороны Нуса.

Содержательная сторона теоретического мышления может иметь как научный, так и вненаучный характер – философско-религиозный, морализаторский, уставной. Теоретическое мышление предполагает движение в системе общих предпосылок, содержание которых определяется конкретным источником авторитетного для субъекта мнения. Следовательно, вовсе нет оснований решительно по-современному онаучивать предпосылки Аристотеля. Если для Платона математика – это *органон знания*, то для Аристотеля математика – уже само знание, а органом является логика⁴. Но при этом Нус и первая философия выше наук (Вт. Аналитика. 100b10-15). Открываемые ими принципы несводимы к другим формам знания. Это знание – созерцательное, вербально и рационально невыразимое. Терминологический анализ слова «теоретический» позволяет продемонстрировать одну важную идею: Платон и Аристотель заложили *представление об интеллекте и разуме как функциях речи и памяти*, как навыке оперировать древним преданием и как искусстве владения речью в ее суггестивных, утверждающих приказах функциях. Поиск аксиоматических начал, принимающихся без доказательств, превращается у Аристотеля в утверждение *бездоказательности некоторых принципиальных изъявлений* относительно данности окружающей реальности и основополагающих принципов суждения о ней. Средством оправдания сей бездоказательности объявляется интуиция-созерцание, подкрепляемая силами внешней вербальной суггестии и аутосуггестии. И в этом отношении Аристотель гораздо ближе мифологической традиции прочих цивилизованных народов древности, чем это может показаться с высоты онаученного европоцентризма.

⁴ *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1976. С. 339.